

В этот раз Люй Цэчжи опоздал с подмогой, и виной тому была на редкость досадная засада. Десятки бойцов из мелких банд, рыскавших на границе северных провинций, объединились, чтобы перехватить молодого главу Люй до того, как он достигнет Хребта Паньлун. Их целью было не только ослабить резервы Общества Парящего Дракона, но и лишить главу союза Люй шанса на исцеление. На перехват отправили лучших мастеров.

Впрочем, этот сброд мало что смыслил в настоящем деле: люди Общества были куда искуснее и опытнее этой разношерстной толпы. Беда пришла с другой стороны. Пользуясь численным превосходством, нападавшие решили взять измором, пуская в ход самые гнусные приемы. Но хуже всего было то, что под шумок решили ударить и люди из Зала Возвращающихся Диких Гусей. Они выставили три группы — двадцать четыре первоклассных убийцы, намереваясь превратить это столкновение в бойню, из которой никто не выйдет живым.

Сражение выдалось свирепым. Оно затянулось с самого утра до сумерек, и потери были тяжелыми. Однако в самый критический момент, когда исход казался предрешенным, люди из Зала Возвращающихся Диких Гусей внезапно отступили. Трудно сказать, что за каша варилась у них в головах, но они бросили верную победу и скрылись, оставив после себя лишь залитую кровью землю.

Только тогда Люй Цэчжи смог наконец вернуться на постоянный двор. Узнав о моем несчастье — о том, что проклятый Монах-демон Юаньму решил сделать меня своей «невестой», — он, не успев даже сменить окровавленную одежду, вскочил на Пятнистую лошадь и помчался выручать меня из беды.

Возможно, сработал звериный инстинкт, а может, аромат орхидеи послужил ему маяком, но Цэчжи успел в самый последний миг. Он спас меня, однако сам вымотался до предела. На плечи наследника великого дела легли заботы по устранению последствий бойни, и смотреть на него, изнуренного трудами, было по-настоящему больно.

Впрочем, я, к своему стыду, не смог проявить должного героизма и разделить с ним тяготы. Всю обратную дорогу я находился в полузабытьи: старые раны дали о себе знать, а последствия «любви» под действием Пилюли десяти тысяч страстей окончательно подкосили меня. Я провалился в тяжелый сон на несколько дней и пришел в себя лишь тогда, когда Цэчжи уже почти закончил все дела. Оставалось лишь уладить вопросы с семьями погибших, так что мне здесь ловить было нечего. Мне оставалось лишь со скукой наблюдать за игрой Юйчи Му и Ленивого лори — эти двое то отталкивали друг друга, то липли вновь, — и предаваться унылым размышлениям о ценности собственной жизни.

Говорят, что от книжников в трудную минуту нет никакого проку. Я же оказался каким-то нелепым недоразумением: ни немощным ученым, ни благородным героем, способным летать по крышам. Весь этот поход по миру боевых искусств превратился для меня в какую-то невнятную путаницу. Даже прозвище «Благородный муж Орхидея священного пламени» казалось мне незаслуженным — право, неловко перед всеми теми любителями сплетен, что наполняют своими байками мир боевых искусств.

Взять хотя бы этот случай. Какая-то внутренняя травма да горсть пилюль — и вот я уже

повержен, прикован к постели в самом жалком виде. Стоило наконец проснуться, как я обнаружил, что пропустил невесть сколько времени. Говорят, день в разлуке тянется как три осени? Что ж, судя по моим подсчетам, я проспал добрую вечность.

Отношение обитателей постоянного двора «Управление ветром» тоже изменилось. Они больше не игнорировали меня и не осыпали презрительными взглядами, теперь в их глазах читалось нечто странное. Время от времени они сбивались в кучки и принимались шушукаться, и гадалке не ходи — главным героем их пересудов был я.

Ощущение, прямо скажу, не из приятных. Я слишком хорошо понимал причину: наверняка во время болезни я вел себя как последний идиот, капризничая и требуя внимания. От стыда я по привычке заперся в комнате, не желая лишний раз попадаться им на глаза.

Впрочем, уныние мое быстро развеялось. Люй Цэчжи, выкроив минутку в своем плотном графике, зашел проведать меня и сообщил новость: через пару дней нам предстоит переправа через Хуанхэ у Фэнлин. Переправа Фэнлин — древнейший и важнейший узел, ключ ко всем дорогам! Оттуда путь на запад займет не больше недели, и мы наконец окажемся на месте — на хребте Паньлун. Сейчас стояли лютые холода, река скована льдом такой толщины, что по ней можно ходить пешком, не боясь даже вести за собой коней или волов.

Для любителя скользить по льду это был подарок судьбы. Представьте: огромная замерзшая река прямо перед вами! Мечтая вновь ощутить скорость, я тут же набросал чертеж коньков и велел слуге отнести его кузнецу, чтобы тот изготовил их до нашего отплытия. Предвкушение этой ледяной прогулки принесло мне немало радости.

Однако мечты в этом мире имеют обыкновение разбиваться о суровую реальность. Пока я нежился у окна, подставляя лицо редкому зимнему солнцу, в дверях появился мужчина лет тридцати в одежде ученого. Одна его аура мгновенно развеяла мои грезы.

— Господин Шэ! — произнес он с предельно серьезным видом.

— Приветствую, — я одарил его лучезарной улыбкой и жестом пригласил присесть.

Хоть я и сидел взаперти, всех важных лиц уже знал. Этого человека, по имени Хань И, Люй Цэчжи представил мне пару дней назад, как только я очнулся. Хань И был главой одного из филиалов и должен был встречать нас в следующем пункте, но из-за задержек решил сам выехать нам навстречу.

Это был человек редкой стати: высокий, стройный, с печатью благородства на лице. В его облике ученого сквозила таинственность, а в манерах — та непринужденность, что заставляет женщин терять голову. Одним словом — первостатейный красавец.

К счастью, я не женщина, а потому мог сохранять спокойствие. Мы почти не общались, но я догадывался, что его мнение обо мне не самое лучшее. Вчера, когда Люй Цэчжи зашел ко мне

и мы предавались нежностям, Хань И некстати заглянул по какому-то срочному делу. Я отчетливо видел в его глазах неодобрение, хоть он и промолчал. Поэтому нынешний его визит не предвещал ничего хорошего.

— У главы филиала Хань есть ко мне дело? — я решил не ходить вокруг да около.

Хань И долго и пристально смотрел на меня. Казалось, он изучает меня так тщательно, словно решил влюбиться раз и навсегда. Наконец блеск в его глазах угас, и он заговорил — мягко, но слова его прозвучали подобно взрыву:

— Господин Шэ, я буду краток. Прошу вас... оставьте нашего молодого главу.

«Так я и думал», — вздохнул я про себя и с сожалением ответил:

— Боюсь, я не могу уйти.

Такие вопросы не решаются в одностороннем порядке. Право решать судьбу наших отношений принадлежит не мне одному.

— Дело серьезное! — строго оборвал он меня. — Вы человек разумный и должны понимать, чем это грозит молодому господину. Ради его блага — и ради вашего собственного — вам лучше исчезнуть.

Его слова о «моем благе» звучали крайне неубедительно. В Обществе Парящего Дракона единственным человеком, достойным заботы, считали своего наследника. Надежды, которые они возлагали на Люй Цэчжи, стали непреодолимым препятствием между нами.

— Решение не за мной, — я постарался придать голосу как можно больше невинности.

В конце концов, если Цэчжи решит меня бросить, я не пойду топиться. Просто заберу свою любовь обратно. Будет больно, но я не умру. Однако сам я рвать связи не стану — я знаю, сколько сил Цэчжи потратил, чтобы решиться на эти отношения. Это не минутная слабость, я верю ему. И не могу предать эту веру.

— Есть вещи, в которых молодому главе не позволено проявлять своеобразие... — Хань И вздохнул. Наследнику огромного дела не прощают ошибок.

«И зачем только я спустился с гор?» — подумал я, глядя на все эти сложности.

— Тогда позвольте мне хотя бы помочь ему в этот раз? — я решил прибегнуть к хитрости. — Сейчас не время для сердечных драм. Нужно разобраться с Новым Альянсом, а о том, кто кого любит, можно подумать и позже.

Хань И на мгновение задумался, а затем произнес нечто совершенно неожиданное:

— Не скрою от вас, господин Шэ, я составил на вас гороскоп.

— Что? — я опешил. Он что, гадалка?

Я точно помнил, что он владеет какими-то мастерскими, создает украшения — дизайнер по-нашему. И вдруг такое. Образ утонченного полубога-отшельника ему, конечно, шел, но в моей голове никак не укладывалось, как это вяжется с образом базарного шарлатана.

Впрочем, я припомнил слова Люй Цэчжи о том, что Хань И — ученик великого мастера гаданий Пак Игуа и сам весьма искусен в предсказаниях. Похоже, это была правда.

— В этом нет тайны, — продолжал он. — Я не стану хвастаться, что достиг вершин мастерства, но я способен прочесть прошлое и будущее человека. Однако, когда я пытался составить ваш гороскоп, я не увидел вашего прошлого и не смог различить будущего. Подобного в моей практике еще не случалось! Ваше появление оказало огромное влияние на судьбу молодого господина — его жизненный путь превратился в непредсказуемую путаницу. Возможно, для него вы — внезапная переменная, но вы сами по себе — переменная в квадрате! Я не могу допустить, чтобы вы отправились на Паньлун, это принесет лишь беду.

Иными словами, я — гость из двадцать первого века, та самая «переменная из переменных» — представляю угрозу для всего этого мира, и он не может понять, добро я несу или зло. Прямо как то проклятие, что на мне висит.

Я горько усмехнулся. Как объяснить древнему человеку, что он не видит моего прошлого, потому что его здесь никогда не было? А мое существование для них — это и есть «будущее». Пытаться предсказать судьбу «будущего» — все равно что ловить рыбу на дереве. Но Хань И, уверенный в своем искусстве, никогда этого не поймет. Для него мое присутствие было личным профессиональным поражением.

— Скажите, до моего появления вы могли предсказать нынешние смуты в Поднебесье? — попытался я вразумить его.

Хань И тяжело вздохнул:

— Два года назад знамения начали сгущаться на юге. Наше Общество предупреждало праведные школы, но никто не ожидал, что все обернется так...

— Ну и при чем тут я? — возмутился я. — На то воля небес!

— Многие перемены начались именно с вашим появлением, — отрезал он, вынося приговор.

— Почему вы вцепились в меня одного? — я уже не на шутку разозлился. — Мир меняю не я, в нем полно амбициозных людей и скрытых талантов!

— Нет, вы ошибаетесь... В последние месяцы узоры судьбы стали совсем причудливыми. Перемены идут с юга на север, неся то ли удачу, то ли гибель. И все это находит отражение в вас.

Он в упор смотрел на меня своими пронзительными глазами.

— Это же просто домыслы! Как можно судить человека без доказательств? — я был возмущен до глубины души. Я живу в этом мире всего два года — как я, простой смертный, могу пошатнуть основы целого мира боевых искусств?

— Возможно, не все беды вызваны вами, но то, что вы — «переменная», неоспоримо. Ваша аура может как спасти Паньлун, так и погубить его. Рисковать я не намерен.

Я все понял. Он хотел порядка, а я для него — хаос, который все усложняет. Лучше убрать одну подозрительную личность, чем ждать, пока она взорвется. Моя участь была предрешена. Я молчал, раздумывая, стоит ли звать Цэчжи на помощь. Хань И был человеком неплохим, просто слишком упрямым в своих суевериях.

Я уже хотел было отправиться на поиски подмоги, но вспомнил, что Люй Цэчжи вместе с братьями Ши уехал устраивать дела погибших и вернется только к ночи. Юйчи Му, конечно, опять ушел «отпускать живых тварей на волю», а Фэн Ляньчэнь, разумеется, потащился следом за ним — уж очень ему нравилось это зрелище.

Тех, кто не осуждал мои отношения с Цэчжи, рядом не было. Охрану постоянного двора усилили, и меня посчитали в полной безопасности, так что спешить с возвращением никто не собирался. Хань И все рассчитал — он пришел именно тогда, когда за меня некому было заступиться.

Он выложил предо мной стопку бумаг.

— Это — на ваши дорожные расходы.

Я скользнул взглядом по бумагам: банковские билеты, каждый достоинством в тысячу лянов. Судя по толщине стопки — не меньше ста тысяч. Ого! Вот это я разбогател! Он сейчас напоминал злобную свекровь из мыльных опер, которая сует чековую книжку бедной героине, чтобы та не смела и мечтать о принце. Но я человек практичный: отказываться от таких денег — это не благородство, это идиотизм.

— И ценой будет мой уход? — я спрятал деньги, стараясь не замечать его презрения.

Презрение я еще мог понять, но в его глазах читалось и некое разочарование. Что он там себе вообразил? Что я выше презренного металла? Бросьте! Ты сам принес эти деньги — так радуйся, что я их взял. К чему эта скорбная мина, будто я совершил смертный грех?

Впрочем, он — мой благодетель, ссориться с ним не резон. Суммы, которую он мне вручил, хватит на безбедную жизнь до конца моих дней. Жаль только, что выгоняют меня прямо сейчас — я еще не совсем оправился от болезни. Но кто платит, тот и заказывает музыку.

— Именно так, — холодно подтвердил он, проводя черту между нами. Отныне мы чужие люди: встретимся — не узнаем.

— А если я вернусь к Цэчжи? Что тогда? — мне было чертовски интересно, какое будущее он мне уготовил. Убьет, чтобы не мешался?

Он не ответил, лишь указал на дверь:

— Прощу.

Покачиваясь от слабости, я вышел в коридор. Там, со сложным выражением лица, стоял Цянь Идо. Я выдавил улыбку и похлопал его по плечу:

— Я ухожу.

«Ухожу один за тысячи гор, не нужно проводов...» — всплыли в голове слова старой песни. И верно — провожать меня никто не собирался. Все было сделано с молчаливого согласия тех, кто остался в живых. Кто бы еще посмел войти в мою комнату без спроса?

Спустившись на первый этаж, я увидел того самого изящного юношу, с которым мельком виделся пару дней назад, и его верного стража по имени Цань. От слабости у меня подкосились ноги, и я привалился к столу. Юноша явно хотел что-то сказать, и я ободряюще улыбнулся ему. Главное — не свалиться с коня, а то будет совсем неловко.

— Инь... ты... ты в порядке? — он подошел, и в его голосе звучало искреннее беспокойство. Говорят, он все эти дни не уезжал, дожидаясь известий о моем выздоровлении. По-настоящему доброе сердце.

— Все хорошо, — ответил я, чувствуя, как теплеет на душе. — Спасибо, что заступился за меня тогда.

— Пустяки... я сделал так мало, — он грустно улыбнулся, но тут же рассмеялся: — Жить так, как ты — вот в чем истинный смысл.

В его словах послышалась тоска.

— О чем ты?

— Ни о чем... Главное, что ты цел. Мне пора. Береги себя.

— И ты береги себя...

У самых дверей он обернулся:

— Инь... мы ведь... друзья?

— Конечно! — я уверенно кивнул.

Он просиял, и на миг мне показалось, что в комнату заглянула весна. Мгновение — и он исчез. Его страж, Цань, смерил меня тяжелым, полным гнева и досады взглядом, после чего тоже скрылся, следуя за хозяином.

Я издал залихватский свист. Вот это характер! Только... как его зовут? Проклятье, я забыл спросить имя! Он, кажется, знает обо мне все, а я даже имени друга не помню. Каков гусь!

— Ладно, Пятнистая, пошли. Пора покорять горизонты!

С трудом взгромоздившись на спину верной кобылы, я позволил ей самой выбрать дорогу. Я уходил легко, без лишних слов и слез — благо никого из близких рядом не оказалось.

Когда мы встретимся снова? Я хитро усмехнулся, глядя, как постоянный двор скрывается из виду. Похлопав лошадь по шее, я прошептал:

— Тише, милая, ты меня так совсем растрясешь!

Торопиться мне некуда. Цэчжи ведь спешит домой, верно? Ему не стоит тратить время на мои поиски. А я... я очень хочу увидеть лицо Хань И, когда мы снова окажемся рядом.

Определенно, я становлюсь невыносимым.

<http://bllate.org/book/17512/1659579>